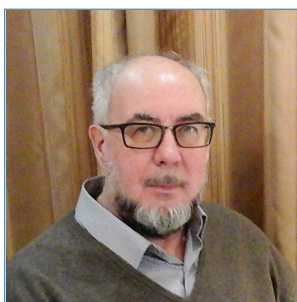

Факторы деструктивного влияния на общество

Страх как фактор социокультурных деформаций жизненного мира россиян

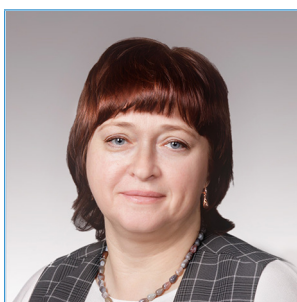
Немировский Валентин Геннадьевич – доктор социологических наук, профессор, главный редактор научного журнала «Сибирский социум/SIBERIAN SOCIUM». Тюменский государственный университет, Тюмень

E-mail: valnemirov@mail.ru

Немировская Анна Валентиновна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

E-mail: annanemirov@hse.ru

Булатова Татьяна Алексеевна – кандидат медицинских наук, доцент, зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, Томский государственный педагогический университет, Томск

E-mail: bulatowa@mail.ru

Страх как фактор социокультурных деформаций жизненного мира россиян

DOI: [10.19181/vis.2018.24.1.499](https://doi.org/10.19181/vis.2018.24.1.499)

Аннотация. В статье¹ выявляется специфика социокультурных деформаций жизненного мира россиян в целом, по сравнению с подобными деформациями населения ряда Восточных регионов страны. Это территории, представляющие Урал (Тюменская обл.), Западную (Томская обл.) и Восточную Сибирь (Красноярский край). В качестве фактора деформации жизненного мира рассматриваются социальные страхи, фиксируемые в методике «Социокультурный портрет региона» (ЦИСИ ИФРАН). Исследования проводились в России в целом в 2015 г., в Тюменской и Томской областях – в 2016 г., в Красноярском крае – в 2014 г. Для анализа были выделены три важнейших характеристики жизненного мира, прежде не изучавшиеся в данном контексте: локус контроля, темпоральная устойчивость (степень пессимизма/оптимизма) и удовлетворённость жизнью как один из основных показателей его гармоничности. В контексте данных характеристик установлены отличия жизненного мира россиян в целом от жизненного мира населения восточных регионов страны. Показано, что страхи перед социальными опасностями оказывают существенное деформирующее воздействие на жизненный мир населения. Выявлены два вида деформаций: общероссийские и региональные. К первым относятся страхи перед экологической угрозой и притеснениями из-за возраста и пола. Их уровень по стране в целом существенно превышает аналогичные значения, которые получены в трёх восточных регионах страны. Страхи перед иными угрозами и опасностями, выделенными в исследовании, выступают специфическими региональными деформирующими факторами. Сделан вывод, согласно которому социальные страхи деформируют локус контроля, гармоничность и темпоральную устойчивость жизненного мира населения всей страны заметно сильнее, нежели респондентов из Тюменской, Томской областей и Красноярского края. Выявлена характерная «уральско-сибирская» региональная особенность деформаций жизненного мира: восприятие начальника по работе как одного из социальных институтов власти. Предполагается, что подобная специфика объяснима фронтирными особенностями регионов.

Ключевые слова: социальные страхи, социокультурные деформации, жизненный мир, локус контроля, удовлетворённость жизнью, оптимизм, фронтирные регионы

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-03-00366 Социокультурные факторы новой индустриальной модернизации в регионах (на материалах исследований в Томской области).

Актуальность социологического анализа деформаций жизненного мира как целостного феномена во многом связана с социально-экономическими и социокультурными процессами, за последние четверть века серьёзнейшим образом трансформировавшими российское общество. К числу её причин, на наш взгляд, следует отнести глубокие изменения, которые произошли в ценностно-смысловой и поведенческой сферах населения страны в связи со сменой общественно-экономического строя. Последовавшие, с одной стороны, деиндустриализация, с другой – не всегда успешные попытки модернизации страны, недостаточно продуманное реформирование различных социальных институтов также внесли свою лепту в этот процесс. Многие цели, ценности, смыслы и жизненные стратегии, ещё в конце 1980-х гг. казавшиеся весьма устойчивыми и достаточно эффективными, уже в 1990-х гг. в известной мере превратились в симулякры, на смену которым регулярно возникают новые, порождаемые очередными коллизиями транзитивного российского общества. Всё более чётким не только у учёных, но и у части управленцев, становится понимание того факта, что единый целостный жизненный мир россиян – симулякр, не более чем фигура речи. Жизненный мир специфичен не только в большинстве отдельных регионов, но и основных макрорегионах страны. Это требует в науке использования специальных исследовательских стратегий, в социальной практике – зачастую новых, нетривиальных управленческих технологий.

Научная изученность проблемы

Как известно, изучением различных аспектов жизненного мира активно занимались классики мировой социологии: Э. Гуссерль, А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман, Ю. Хабермас и др. В качестве междисциплинарного феномена с 1990-х гг. он стал предметом многочисленных теоретических и эмпирических исследований российских учёных. В этой связи нельзя обойти вниманием публикации психологической направленности [Некрасова 2008], [Личность и её... 2013] и др. Так, к числу достоинств работы Е. В. Некрасовой следует отнести выделение ею этапов становления жизненного мира в качестве пространственно-временной организации. Автор рассматривает данный феномен как проявление самоорганизации в психологических системах, выступающий механизмом устойчивости человеческого бытия [Некрасова 2008: 107]. В процессе социально-философского анализа в связи с увеличением скорости социокультурных изменений была рассмотрена деформация такого важного социокультурного показателя жизненного мира, как идентификации [Емелин, Тхостов 2015].

Единый целостный жизненный мир россиян – симулякр, не более чем фигура речи.

Ряд учёных применяют известную концепцию Ю. Хабермаса о колонизации жизненного мира к исследованию современных российских реалий [Хабермас 1993]. По мнению И. Б. Пржиленской, «в процессе собственной эволюции жизненный мир россиян был подвергнут колонизации со стороны трансформирующихся систем (институциональных и идеологических). В символические универсумы были внедрены неинтерпретированные значения, нарушающие как их органическую целостность, так и социальную функциональность. Колонизация жизненного мира россиян системой привела к рассогласованию его трёх фундаментальных уровней: целей, ценностей и жизненных стратегий» [Пржиленская 2008: 20].

Похожей точки зрения придерживается С. Б. Абрамова, по мнению которой «происходит колонизация смысловых и ценностных структур жизненного мира, что приводит к монетаризации всех социальных и личностных сфер» [Абрамова 2010: 33]. В результате «условно можно говорить о сосуществовании двух поколений: «свидетелей колонизации жизненного мира» и «жителей колонизированного мира» [Абрамова 2010: 29]. Подобные тенденции выявлены и рядом других авторов [Анисимов 2015]. Среди публикаций последних лет, в которых подробно раскрывается феномен жизненного мира и происходящие с ним изменения, прежде всего следует отметить фундаментальные работы Ж. Т. Тощенко и его коллег [Жизненный мир... 2016; Тощенко 2016а; Тощенко 2016b; Тощенко 2016с] и др.

Нам представляется целесообразным определить социокультурные деформации жизненного мира как его искажения, возникающие в силу воздействия тех или иных социокультурных факторов. При этом социокультурные деформации имеют разнообразную специфику. Ж. Т. Тощенко, рассматривая жизненный мир и его деформации, подробно перечисляет их формы, опираясь при этом на многочисленные труды современных социологов: травму, отчуждение, аномию, фрустрацию, депривацию, имитацию [Тощенко 2016с: 257–297]. В соответствии с обоснованным выводом автора, «социологические исследования позволяют говорить, что среди индикаторов различий значительное место занимает социокультурный фактор, который во многом определяет конкретную сущность жизненного мира населения по разным регионам. На наш взгляд, такие различия состоят из неодинаковых уровней благосостояния (доходов), зависят от культурного уровня (уровня образованности, развития науки и обеспеченности духовно-культурными учреждениями), от инновационной деятельности и участия населения в управлении государственными и общественными делами» [Тощенко 2016а: 104].

Исследовательский подход

Данное исследование опирается на теоретико-методологические концепции социологии жизни, а также направления социокультурного подхода, развиваемого Н. И. Лапиным и его коллегами [Лапин 2006]. В частности, мы исходим из понимания жизненного мира, сформулированного Ж. Т. Тощенко: «... жизненный мир – это мир Человека, мир людей, мир человеческого измерения, существования и функционирования человеческого потенциала, мир возможностей людей и их восприятия и реакции на происходящие в обществе перемены и готовность понять, принять/не принять, содействовать/быть пассивным/противостоять осуществляемым обществом и государством преобразованиям» [Тощенко 2015: 115].

Многие авторы в качестве основных элементов жизненного мира справедливо рассматривают его смыслы. Вместе с тем мы полагаем, что в функционировании жизненного мира важную роль играют и иные его характеристики. В целом хорошо изученные зарубежными и отечественными авторами, они до сих пор фактически не рассматривались в контексте жизненного мира человека. В частности, в данной статье анализируются следующие его измерения:

- локус контроля, характеризующий представление социального субъекта о возможности изменять свою жизнь самостоятельно (либо субъект возлагает ответственность за это на какие-либо иные феномены, в нашем случае – социальные субъекты). Соответственно, локус контроля обрисовывает те «границы», в рамках которых человек может самостоятельно контролировать свой жизненный мир;

- гармоничность жизненного мира, важным показателем которой выступает общая удовлетворённость индивида своей жизнью;

- темпоральная устойчивость жизненного мира, которая выражается в степени оптимизма-пессимизма человека.

Мощным деформирующим фактором жизненного мира выступает незащищённость его субъекта от каких-либо опасностей или рисков. Иными словами, чувство страха. Его изучение относится к области социологии эмоций. Несмотря на малую представленность этого направления социологии в нашей стране, феномен страха не остался без внимания [Иванова, Шубкин 2005; Россия... 2009; Чего опасаются... 2008] и др. Безусловно, справедлив вывод, согласно которому «современные исследования социальных страхов и тревог населения показывают, что страхи переходят во всеобщее социальное явление. Такой переход свидетельствует о том, что современ-

ное общество, в том числе российское, становится обществом тотального риска» [Витковская 2003: 78]. Особо следует отметить фундаментальный труд, в основу которого легло общенациональное социологическое исследование, проведённое специалистами ИС РАН, предметом которого стали фобии и угрозы, существующие в массовом сознании россиян [Россия... 2009]. Авторы установили, что «те или иные страхи время от времени испытывают большинство россиян (69%)... При этом высокотревожным можно назвать примерно каждого четвёртого респондента (23%)». В процессе исследования также была выделена специфика тревожности различных социальных, социально-экономических и социально-демографических групп населения [Россия... 2009: 96]. Несомненный интерес, на наш взгляд, представляет выявление ситуаций, в которых респонденты испытывают чувство страха, и источников угроз [Россия... 2009: 97–101]. Подробно анализируя социальные тревоги и опасения россиян, авторы монографии в 2009 г. справедливо отмечали, что «начавшийся экономический кризис многократно увеличивает как экономические, так и политические риски для страны и отдельных её граждан» [Россия... 2009: 97–129]. К сожалению, использованная нами методика эмпирического исследования не даёт возможности сопоставления с данными, полученными в цитируемой работе.

Исследователи общественного мнения также в течение длительного периода времени фиксируют страхи россиян. Так, в сентябре 2017 г. социологи «Левада-Центра» установили, что 63% респондентов больше всего боятся болезней близких людей, 48% – проблем, связанных с их собственным здоровьем, и др. [Социологи выяснили... 2017]. Результаты исследований динамики страхов россиян регулярно публикует и ВЦИОМ [Карта страхов... 2017].

Социальные страхи изучались нами в процессе исследований, проведённых в рамках программы «Проблемы социокультурной эволюции России и её регионов» (руководитель – член-корр. РАН проф. Н. И. Лапин). На основе анализа полученных данных были выделены две основные группы социальных опасностей и, соответственно, чувств незащищённости/защищённости от них [Nemirovskiy, Nemirovskaya 2015]:

1. Внешние объективные условия, которые индивид хотел бы изменить, изолироваться от них: это экологическая угроза, произвол чиновников, произвол правоохранительных органов, бедность, одиночество и заброшенность, преступность;

2. Опасности, связанные с социальными, демографическими, субъективными характеристиками человека, которые он не в силах изменить или вообще не желает менять, поскольку это может разрушить его социокультурную самоидентификацию, самосознание, внутреннее «Я». К ним относятся

социальные притеснения из-за возраста или пола, ущемления из-за национальности, притеснения из-за религиозных убеждений, преследования за политические убеждения.

Соответственно приведённой классификации опасностей была сформулирована типология социумов в зависимости от продуцируемых ими угроз для индивида (в данном случае – региональных, хотя подобный принцип может быть распространён и на государственный уровень). Особенности одного типа социумов заключаются в том, что живущие в нём индивиды не защищены от внешних объективных опасностей и угроз, которые, однако, потенциально могут быть устранены или, по крайней мере, снижены. Другой тип социумов порождает угрозы субъективности человека, его социокультурной и психологической целостности. Первый тип социумов определён нами как угрожающий социальной жизнедеятельности человека, второй – социальной индивидуальности человека. Следует подчеркнуть, что и социальная жизнедеятельность человека, и его социальная индивидуальность являются важными составляющими его жизненного мира.

По данным опроса, которые были проанализированы с помощью факторного анализа, Россию в целом и почти все обследованные регионы Сибири можно отнести к типу социума, порождающему угрозы для социальной жизнедеятельности людей [Nemirovskiy, Nemirovskaya 2015]. Исследуя влияние страхов, порождённых подобными угрозами, на различные аспекты жизненного мира, безусловно, нельзя абстрагироваться и от их территориальных особенностей. С учётом социокультурной специфики регионов страны, которая была выявлена по многочисленным исследованиям отечественных учёных, в том числе проведённых в рамках программы «Социокультурная эволюция регионов России» (рук. – Н. И. Лапин), можно ожидать неодинаковых проявлений деструктивного воздействия различных страхов на жизненный мир населения этих территорий.

Были выдвинуты две гипотезы. Согласно первой, если судить по анализируемым нами характеристикам, жизненный мир не является единообразным для всего населения России, а складывается из специфических жизненных миров людей, проживающих в разных регионах страны.

Согласно второй гипотезе, одним из важнейших факторов деформации жизненного мира выступают страхи, вызванные угрозами для социальной жизнедеятельности людей.

Методика исследования

Опросы проводились по методике, разработанной в рамках программы «Социокультурная эволюция регионов России» сотрудниками Центра изучения социокуль-

Россию в целом и почти все обследованные регионы Сибири можно отнести к типу социума, порождающему угрозы для социальной жизнедеятельности людей.

турных изменений ИФ РАН под руководством чл.-корр. Н. И. Лапина и проф. Л. А. Беляевой [Лапин, Беляева 2010]. В регионах оно было выполнено с помощью формализованного интервью по месту жительства респондентов по стратифицированной, многоступенчатой, районированной, квотной выборке. Региональные выборки составили по 1000 респондентов, в Томской и Тюменской областях опрос проводился в 2016 г., в Красноярском крае – в 2014 г. В последнем случае в вопросник были включены дополнительные индикаторы и применялся метод полужормализованного интервью. Также нами использованы данные, полученные в результате проведения 7-й волны Всероссийского мониторинга «Ценности и интересы населения России» (2015 г.), руководителем которого также является Н. И. Лапин. Опрос осуществлялся методом стандартизованного комплексного интервью (выборка – 1031 респондент), инструментарий которого был разработан в 1990 г. [Лапин 1992].

Типы страхов и восприятие качества жизни

Социальные аспекты локуса контроля определяют границы жизненного мира человека, то социальное пространство, которое он считает подвластным себе, те сферы и уровни общественной жизни, в которых он может уверенно действовать. Чувство страха, незащищённости от каких-либо угроз или опасностей деформирует эти границы, делая невозможным осуществление каких-либо значимых для него событий или развитие важной ситуации в нужном для субъекта направлении. Согласно установившимся в современной психологии представлениям, основанным на многочисленных и многолетних исследованиях, лица с преобладающим экстернальным контролем склонны к тревожности, устойчивым страхам (в т. ч. и социальным) и депрессии.

Настоящее исследование показало более высокий интернальный локус контроля у населения трёх восточных регионов, нежели у респондентов, опрошенных в целом по стране (см. таблицу 1). Напрашивается вывод, в соответствии с которым в анализируемых регионах, представляющих Урал, Западную и Восточную Сибирь, локус контроля как элемент жизненного мира их населения, менее деформирован, чем в других макрорегионах страны, в частности, в центральном, северо-западном и южном.

Несколько лет назад нами была проверена гипотеза, согласно которой индивиды, обладающие интернальным локусом контроля, менее склонны к чувству незащищённости перед различными опасностями [Nemirovskiy, Nemirovskaya 2015]. Проведённый в данной работе анализ позволил уточнить данный

Социальные аспекты локуса контроля определяют границы жизненного мира человека, то социальное пространство, которое он считает подвластным себе, те сферы и уровни общественной жизни, в которых он может уверенно действовать.

Настоящее исследование показало более высокий интернальный локус контроля у населения трёх восточных регионов, нежели у респондентов, опрошенных в целом по стране.

тезис. Установлено, что чем выше интернальный локус контроля респондентов, тем меньше у них страхов перед угрозами социальной жизнедеятельности. Иными словами, экстернальный локус контроля выступает одним из показателей деформация жизненного мира социального субъекта (см. таблицу 2).

Таблица 1

Индекс¹ локуса контроля респондентов, %

В какой степени улучшение Вашей жизни сегодня зависит от:	Россия	Регионы		
		Тюменская область	Томская область	Красноярский край
Вас самих	66,6	81,4	82,7	89,9
Ваших близких родственников	32,1	38,6	37,6	54,1
Друзей, земляков	- 5,7	- 12,8	- 14,7	7,0
Начальника по работе	- 10,8	20,4	12,4	15,1
Районных, городских властей	32,9	20,7	15,7	12,9
Республиканских, областных властей	25,2	19,7	2,2	17,9
Общероссийской власти	41,1	31,6	34,0	16,2

Таблица 2

Результаты ответов респондентов на вопрос:
«Насколько сегодня Вы чувствуете себя защищённым
от следующих опасностей?», %

(сумма ответов «пожалуй, не защищён» и «совсем не защищён»)

Угрозы, опасности	Россия	Регионы		
		Тюменская область	Томская область	Красноярский край
От экологической угрозы	49,4	25,8	45,7	40,3
Из-за возраста или пола	23,6	13,7	16,4	14,9
Из-за произвола чиновников	46,2	36,6	51,9	48,5
Из-за вашей национальности	11,4	9,0	8,2	7,4
Из-за религиозных убеждений	12,0	9,5	8,5	9,9
Из-за произвола правоохранительных органов	37,3	29,0	40,4	37,8
От преследований за политические убеждения	19,4	17,4	23,1	22,5
От бедности	56,6	40,6	54,4	48,0
От одиночества и заброшенности	34,0	26,4	38,1	34,2
От преступности	44,6	34,0	49,7	54,2

¹ Индекс складывается из суммы ответов «полностью зависит» и «отчасти зависит» за минусом суммы ответов «мало зависит» и «совсем не зависит».

Страхи, испытываемые респондентами, оценивались по двум параметрам:

1. Общероссийские или специфические региональные (превалируют у опрошенных жителей страны по сравнению с населением регионов, или же наоборот).

2. Значимость (или выраженность) страхов как для респондентов России в целом, так и для проживающих в трёх исследуемых регионах – Тюменской и Томской обл., в Красноярском крае.

Как показано в [таблице 2](#), (первый параметр) российские показатели незащищённости респондентов «от экологической угрозы» и «от притеснений из-за возраста и пола» превышают выявленные в указанных восточных регионах. На наш взгляд, их можно отнести к категории *общероссийских факторов*, деформирующих жизненный мир населения. Соответственно, остальные выделенные в исследовательском инструментарии угрозы и опасности, значения которых заметно различаются как в стране, так и в конкретных регионах, логично принадлежат к типу *специфических региональных деформирующих факторов*.

Говоря о втором параметре, следует отметить, что наиболее существенными, по оценкам респондентов, опрошенных в России, деформирующими жизненный мир факторами являются социальные страхи перед бедностью (56,6%), экологической угрозой (49,4%), произволом чиновников (46,2%) и преступностью (44,6%). В ряде регионов доминирует страх перед произволом чиновников (Томская область), правоохранительных органов (Тюменская область), преступностью (Красноярский край), бедностью (Томская область). Как видим, высоко значимые для населения всей страны страхи наиболее значимы и среди населения восточных территорий, но несколько различаются по областям.

Использование факторного анализа показало, что в жизненном мире населения как трёх восточных регионов, так и России в целом, существуют две латентные переменные. Первая, имеющая наиболее высокую описательную силу, выражает экстернальный локус контроля: представления, что улучшение жизни человека зависит от социальных институтов власти (общероссийских, республиканских, областных, городских, районных), а также начальника по работе. Вторая, с заметно более слабой описательной силой, характеризует зависимость улучшения жизни респондента от него самого (интернальный локус контроля), а также от близких родственников, друзей и земляков (что условно можно назвать микросредой человека). Характерно, что у россиян в целом, в отличие от жителей Тюменской и Томской областей, а также Красноярского края, второй

Российские показатели незащищённости респондентов «от экологической угрозы» и «от притеснений из-за возраста и пола» можно отнести к категории общероссийских факторов, деформирующих жизненный мир населения.

фактор включает и начальника по работе. Очевидно, у населения трёх перечисленных территорий это связано с их исторически сформировавшимся менталитетом: жители уральского и сибирского регионов традиционно психологически более дистанцируются от любых властей, не воспринимая своего начальника по работе как друга или «земляка». Для большинства из них начальник олицетворяет собой одну из ипостасей власти, которую, нередко, следует опасаться. Данный феномен выражает собой важную особенность социокультурных региональных деформаций жизненного мира (см. рис. 1).

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос о зависимости их условий жизни от..., %

Таблица 3

Результаты факторного анализа ответов респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, улучшение Вашей жизни зависит от: », %

Фактор	Характеристики фактора	Россия	Регионы		
			Тюменская область	Томская область	Красноярский край
Ф-1	Содержание фактора	Социальные институты власти	Социальные институты власти + начальник	Социальные институты власти + начальник	Социальные институты власти + начальник
	Описательная сила фактора	39,0	42,8	34,2	40,2
Ф-2	Содержание фактора	Социальная микросреда + начальник	Социальная микросреда	Социальная микросреда	Социальная микросреда
	Описательная сила фактора	24,5	22,5	23,3	24,0

Как следует из представленных на рис. 2 данных, менее всего респондентов, которые в той или иной степени не удовлетворены своей жизнью («не очень удовлетворены» + «совсем не удовлетворены») проживают в Красноярском крае – 17%, наибольшая их доля установлена по России в целом – 26%.

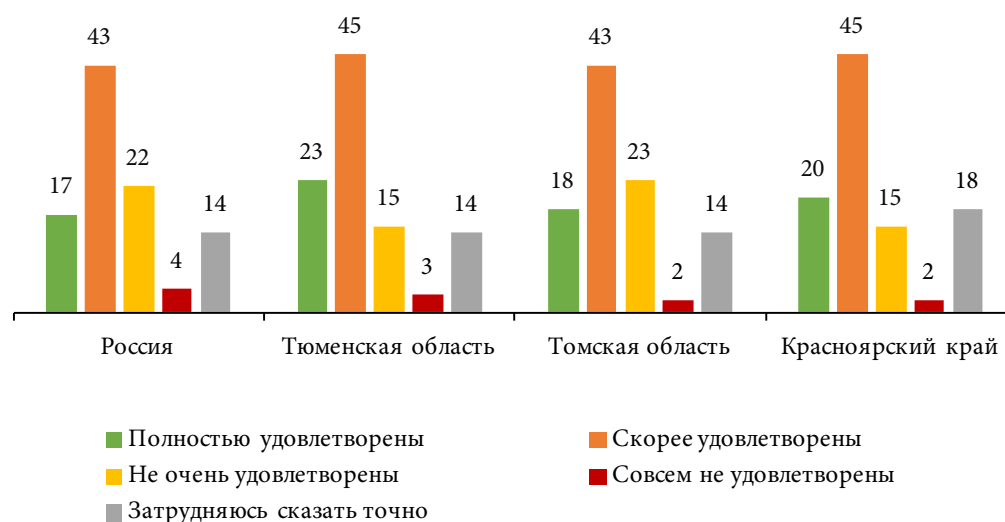

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос об удовлетворенности жизнью, %

Этим данным в целом соответствует и степень пессимизма респондентов: «скорее не уверен в своём будущем, чем уверен» + «совершенно не уверен» (см. рис. 3). Более всего таких пессимистов в целом по стране – 28%. Существенно ниже их доля в Томской обл. – 22%, в Тюменской обл. и Красноярском крае – по 16%. Как видим, в данных регионах пессимизм ниже, чем в целом по стране.

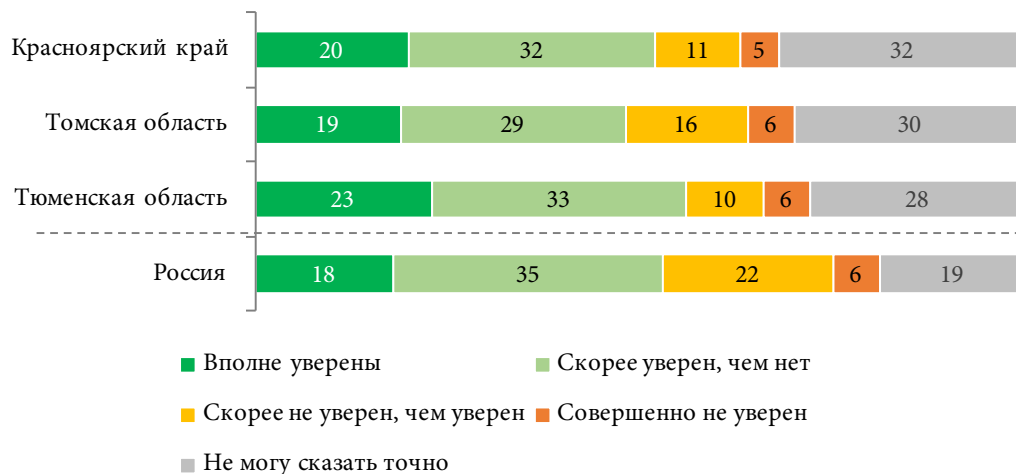

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос об уверенности в будущем, %

Коэффициенты корреляции между чувством защищённости от различных угроз и уровнем оптимизма у жителей всей России несколько меньше, чем в рассматриваемых нами трёх её восточных территориях (см. таблицу 4). В коррелируемых переменных используется пятибалльная шкала: «уверен в своём будущем – 5, ... совершенно не уверен – 1», «защищён – 5, ... не защищён – 1». Знак ** показывает статистическую значимость на уровне 0,01, знак * показывает статистическую значимость на уровне 0,05. В целом в данных регионах и частично у населения всей России наиболее высокие коэффициенты корреляции выявлены между степенью оптимизма и защищённостью от бедности, или, иными словами, с учётом направленности шкалы, отсутствием страха бедности (лидер – Томская область), произвола чиновников (соответственно, Тюменская и Томская области), преступности (Красноярский край), экологической угрозы (Тюменская область). Аналогичная картина наблюдается в отношении страха перед *притеснением из-за возраста или пола*.

Также достаточно сильная корреляция выявлена между степенью оптимизма респондентов и защищённостью от *произвола правоохранительных органов*; причём «первенство» принадлежит опять же Томской обл. Существенными факторами, деформирующими данный элемент жизненного мира населения, выступают страхи *одиночества и заброшенности*, а также *преследований за политические убеждения*. В последнем случае наибольший коэффициент корреляции наблюдается у жителей Тюменской области. Заметно ниже коэффициенты корреляции (в отдельных случаях они вообще отсутствуют) между степенью оптимизма и отсутствием страха перед *притеснением из-за национальности и религиозных убеждений*.

Таблица 4

Коэффициенты корреляции Пирсона между чувством защищённости от различных угроз и уровнем оптимизма респондентов

Угрозы	Россия	Тюменская область	Томская область	Красноярский край
От экологической угрозы	0,192**	0,244**	0,251**	0,189**
Из-за возраста или пола	0,147**	249**	0,250**	0,209**
Из-за произвола чиновников	0,211**	0,270**	0,301**	0,227**
Из-за вашей национальности	-	0,136**	0,128**	0,165**
Из-за религиозных убеждений	-	0,146**	0,118**	0,128**
Из-за произвола правоохранительных органов	0,150**	0,186**	0,290**	0,221**
От преследований за политические убеждения	0,063*	0,174**	0,149**	0,147**
От бедности	0,292**	0,293**	0,364**	0,297**
От одиночества и заброшенности	0,224**	0,236**	0,253**	0,265**
От преступности	0,186**	0,228**	0,240**	0,257**

У жителей рассматриваемых восточных территорий России практически все выделенные в методике страхи снижают удовлетворённость жизнью значительно сильнее, нежели у населения страны в целом (см. таблицу 5). Особенно эти различия велики в отношении трёх выделенных в методике страхов: боязни преследований из-за национальной принадлежности, религиозных убеждений и за политические убеждения, которые у респондентов всей России вообще даже не коррелируют с их степенью удовлетворённости своей жизнью.

Таблица 5

Коэффициенты корреляции Пирсона между чувством защищённости от различных угроз и степенью удовлетворённости респондентов своей жизнью

Угрозы	Россия	Тюменская область	Томская область	Красноярский край
От экологической угрозы	0,157**	0,200**	0,167**	0,206**
Из-за возраста или пола	0,174**	0,231**	0,251**	0,214**
Из-за произвола чиновников	0,201**	0,210**	0,240**	0,196**
Из-за вашей национальности	-	0,136**	0,071*	0,144**
Из-за религиозных убеждений	-	0,146**	0,105**	0,131**
Из-за произвола правоохранительных органов	0,116**	0,186**	0,201**	0,242**
От преследований за политические убеждения	-	0,174**	0,138**	0,136**
От бедности	0,229**	0,293**	0,286**	0,289**
От одиночества и заброшенности	0,194**	0,236**	0,197**	0,242**
От преступности	0,162**	0,228**	0,171**	0,202**

Выводы

Приведённые в статье данные подтверждают выдвинутые нами гипотезы. Жизненный мир населения России представляет собой многоцветную палитру своеобразных жизненных миров жителей её различных регионов. Социокультурная специфика каждого из них определяется противоречивым сочетанием различных факторов: социально-экономических, культурно-исторических, национально-этнических и иных. К числу последних можно отнести особенности так называемых фронтальных территорий нашей страны. Для их выделения используются, как минимум, следующие параметры: «удалённость от центральной власти, заселённость вследствие миграционных потоков, слабая плотность населения данной территории» [Немировская, Фоа 2013; Фоа, Nemirovskaya 2016]. Тем самым к фронтальным относятся уральский и два сибирских региона, население которых выступало частью объекта нашего исследования.

В контексте анализируемых страхов перед социокультурными угрозами выделяются как общероссийские (значения которых существенно превышают показатели в регионах), так и региональные факторы деформации жизненного мира населения страны. К первым можно отнести страх перед «экологической угрозой» и «притеснениями из-за возраста и пола». Ко вторым – все остальные, включённые в используемую нами методику. Причём в целом по стране, как и в рассматриваемых регионах, наиболее значимы страхи перед бедностью, экологической угрозой, произволом чиновников и преступностью. Их испытывают около половины респондентов.

Выявлена характерная «уральско-сибирская» региональная особенность деформаций жизненного мира: восприятие начальника по работе в общем смысловом поле населения трёх восточных территорий как одного из социальных институтов власти. Темпоральная устойчивость жизненного мира населения изученных регионов Урала и Сибири (социальный оптимизм) выше, чем в целом по России.

Исследования показали, что одним из важнейших факторов деформации темпоральной устойчивости жизненного мира выступают страхи, вызванные угрозами для социальной жизнедеятельности людей: страх перед притеснением из-за национальности и религиозных убеждений.

Установлены весьма существенные различия между ответами населения всей России и жителей её трёх восточных регионов, касающиеся их удовлетворённости своей жизнью. Так, у респондентов всей России не выявлены корреляционные связи между данной характеристикой жизненного мира и боязнью преследований из-за национальной принадлежности,

Темпоральная устойчивость жизненного мира населения изученных регионов Урала и Сибири (социальный оптимизм) выше, чем в целом по России.

У респондентов всей России не выявлены корреляционные связи между удовлетворённостью жизнью и боязнью преследований из-за национальной принадлежности, религиозных или политических убеждений.

религиозных или политических убеждений. Напомним, что удовлетворённость жизнью характеризует степень гармоничности жизненного мира человека. Очевидно, в большинстве российских регионов, в отличие от трёх рассмотренных нами восточных территорий, эти угрозы не выступают деформаторами жизненного мира населения. Логично предположить, что данный феномен связан со спецификой формирования населения восточных территорий. Часть его относится к вынужденным мигрантам, потомкам ссыльных (в разные периоды нашей истории и по разным мотивам), которые осели там после освобождения из мест заключения, или членам их семей.

В целом напрашивается вывод, согласно которому чувство страха деформирует гармоничность жизненного мира жителей всей страны заметно сильнее, нежели респондентов из Тюменской, Томской областей и Красноярского края. Сказанное относится и к темпоральной устойчивости жизненного мира.

Не вызывает сомнений, что чувство страха является сильнейшим деструктивным фактором, и его сохранение и воспроизводство в обществе может породить целый спектр негативных процессов деформации жизненного мира. Поэтому данный феномен требует дальнейшего пристального изучения со стороны социологов и представителей смежных научных дисциплин.

Благодарности

Авторы выражают искреннюю признательность Николаю Ивановичу Лапину и коллегам, любезно предоставившим массивы полученных ими региональных данных для сравнения.

Библиографический список

Абрамова С. Б. 2010. Деньги и колонизация жизненного мира современных россиян // Известия Волгоградского государственного технического университета. № 7(67). С. 28–33.

Анисимов Р. И. 2015. Социально-экономические реалии жизненного мира россиян в условиях либеральных реформ (опыт сравнительного анализа данных 1990 и 2012 гг.) // Социологические исследования. № 8. С. 42–49.

Витковская М. И. 2003. Теоретико-методические проблемы изучения «страха» в социологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. № 4–5. С. 74–79.

Емелин В. А., Тхостов А. Ш. 2015. Деформация хронотопа в условиях социокультурного ускорения // Вопросы философии. № 2. С. 14–24.

Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.) / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: ЦСП и М., 2016. 367 с.

Иванова В. А., Шубкин В. Н. 2005. Массовая тревожность россиян как препятствие интеграции общества // Социологические исследования. № 2. С. 23–27.

Карта страхов россиян: итоги лета // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3477. 2017. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116418> [Дата посещения: 15.11.2017].

Лاپин Н. И. 1992. Тяжкие годы России (перелом истории, кризис, ценности, перспективы). Приложение // Мир России. Социология. Этнология. Культурология. Том I. № 1. С. 29–37.

Лапин Н. И. 2006. Антропосоциетальный подход // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 9. № 3. С. 25–42.

Лапин Н. И., Беляева Л. А. 2010. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). М.: ИФ РАН. 135 с.

Личность и ее жизненный мир: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 20-летию факультета психологии ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (Омск, 3–4 октября 2013 г.). 2013 / Под ред. Л. И. Дементий. Омск: Изд-во ОмГУ. 560 с.

Некрасова Е. В. 2008. Жизненный мир человека и подход к его исследованию // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. № 1. С. 98–110.

Немировская А. В., Фоа Р. 2013. Социокультурные особенности фронта России // Социологические исследования. № 4. С. 80–88.

Пржиленская И. Б. 2008. Эволюция жизненного мира россиян в условиях трансформирующегося социума. Автореф. дисс. уч. степ. д-ра социол. н. Ставрополь. 48 с.

Россия на новом переломе: страхи и тревоги / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. М.: Альфа-М. 2009. 160 с.

Социологи выяснили, чего россияне боятся больше всего... // ФБА «Экономика сегодня». 27 сентября. Москва. URL: <https://rueconomics.ru/277965-sociologiyvyasnili-chego-rossiyane-boyatsya-bolshe-vsego> [Дата посещения: 15.11.2017].

Тощенко Ж. Т. 2015. Социология жизни как теоретическая концепция // Социологические исследования. № 1. С. 106–116.

Тощенко Ж. Т. 2016а. Территориальные различия жизненного мира россиян: общее и особенное // Ойкумена. Регионоведческие исследования. № 1(36). С. 102–108 и др.

Тощенко Ж. Т. 2016б. Жизненный мир и его смыслы // Социологические исследования. № 1. С. 6–17.

Тощенко Ж. Т. 2016с. Социология жизни: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 399 с.

Хабермас Ю. 1993. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // THESIS. Вып. 2. С. 123–136.

Чего опасаются россияне? // ИНАБ. 2008. № 6. М.: Институт социологии РАН. 72 с.

Nemirovskiy V. G., Nemirovskaya A. V. 2015. The Origins and Subjects of Fear for Siberians. Sociological Research in the Regions of Eastern and Western Siberia // Sibirica. Vol. 14. No 2. Summer 2015. Pp. 66–95. DOI: <http://dx.doi.org/10.3167/sib.2015.140204>

Foa R. S., Nemirovskaya A. V. 2016. How State Capacity Varies Within Frontier States: A Multi-Country Subnational Analysis // Governance. Vol. 29. No. 3. Pp. 411–432. DOI: 10.1111/gove.12190

DOI: [10.19181/vis.2018.24.1.499](https://doi.org/10.19181/vis.2018.24.1.499)

Fear as a Factor in the Social and Cultural Deformations of Russians' Life World

Nemirovskiy Valentin Gennadievich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Editor-in-Chief of the Academic Journal "Siberian Socium", University of Tyumen, Tyumen, Russia. E-mail: valnemirov@mail.ru

Nemirovskaya Anna Valentinovna

Candidate of Sociological Sciences, Senior Research Fellow, Laboratory for Comparative Social Research, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia. E-mail: annanemirov@hse.ru

Bulatova Tatiana Alekseevna

Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, Chair of the Department of Advertising and Public Relations, Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia. E-mail: bulatowa@mail.ru

Abstract. This article reveals the specifics of social and cultural deformations in the life world of Russian people in general, compared to similar deformations among the population of several eastern regions of the country. These are territories representative of the Ural (Tyumen Province), Western (Tomsk Province) and Eastern Siberia (Krasnoyarsk Region). Social fears recorded within the "Regional socio-cultural portrait" method (Center for the Study of Social and Cultural Change, the Institute of Philosophy of the RAS) are considered to be factors of life world deformation. This study was carried out in the entire country of Russia in 2015, in Tyumen and Tomsk Provinces in 2016, in the Krasnoyarsk Region – in 2014. Three essential characteristics of life world – which have not been previously evaluated within this particular context – were highlighted for analysis: control locus, temporal stability (degree of pessimism/optimism) and life satisfaction as one of the key parameters of its harmony. The differences between the life world of Russians in general and that of those who

inhabit the country's eastern regions are determined within the context of the aforementioned characteristics. It is revealed that fears in the face of social dangers have a considerable deforming effect on the population's life world. Determined are two types of deformations: nationwide and regional. The first type includes fears while facing ecologic threats and oppression due to age and gender. The latter's level is generally much higher than the equivalent values obtained in the country's three eastern regions. Fears while facing other sorts of threats and dangers, which are highlighted in the study, are considered to be specific regional deforming factors. The following conclusion is made: social fears deform the control locus, the harmony and temporal stability of the life world of the entire country's population to a considerably greater degree compared to respondents from Tyumen and Tomsk Provinces, as well as the Krasnoyarsk Region. Revealed is a certain distinctive "Ural-Siberian" regional specificity of life world deformation, namely the sense that superiors in the workplace represent one of the social institutions of government. It is assumed that such specifics can be explained by regional frontier peculiarities.

Keywords: social fears, socio-cultural deformations, lifeworld, locus of control, satisfaction with life, optimism, frontier regions.

References

Abramova S. B. Den'gi i kolonizacija zhiznennogo mira sovremennyh rossijan [Money and Colonization of the Lifeworld of Modern Russians]. *Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta*, 2010, vol. 7, no. 67, pp. 28–33 (in Russ.).

Anisimov R. I. Social'no-ekonomicheskie realii zhiznennogo mira rossijan v uslovijah liberal'nyh reform (opyt sravnitel'nogo analiza dannyh 1990 i 2012 gg.) [Social and economic realities of Russians' life-worlds under conditions of liberal reformations (a comparative analysis of 1990 and 2012 surveys data)]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, 2015, no. 8, pp. 42–49 (in Russ.).

Chego opasajutsja rossijane? [What do Russians Fear?]. *Information and Analytical Bulletin of IS RAS*, 2008, no. 6. 72 p. (in Russ.).

Emelin V. A., Thostov A. S. Deformatsiya hronotopa v uslovijah sociokul'turnogo uskoreniya [Deformation of the Chronotope in Conditions of Sociocultural Acceleration]. *Voprosy filosofii*, 2015, no. 2, pp. 14–24 (in Russ.).

Foa R. S., Nemirovskaya A. V. How State Capacity Varies Within Frontier States: A Multi-Country Subnational Analysis. *Governance*, 2016, vol. 29, no. 3. pp. 411–432. DOI: 10.1111/gove.12190

Habermas J. Otnoshenija mezhdru sistemoy i zhiznennym mirom v uslovijah pozdnego kapitalizma [Relations between the System and the Life World under the Conditions of Late Capitalism]. *THESIS*, 1993, no. 2, pp. 123–136 (in Russ.).

Ivanova V. A., Shubkin V. N. Massovaja trevozhnost' rossijan kak prepiatstvie integracii obschestva [Mass Anxiety among Russians as an Obstacle to Societal Integration]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2005, no 2, pp. 23–27 (in Russ.).

Lapin N. I. Antroposocietal'ny podhod [Anthroposocietal Approach]. *Zhurnal sotziologii i social'noy antropologii*, 2006, vol. 9, no 3, pp. 25–42 (in Russ.).

Lapin N. I. Beliaeva L. A. Programma i tipovoy instrumentary «Sotziokul'turny portret regiona Rossii» (Modifikacija – 2010) [The Program and the Standard Questionnaire "Sociocultural Portrait of a Region of Russia" (Modification 2010)]. Moscow, IPH RAS, 2010. 135 p. (in Russ.).

Lapin N. I. Tiazhkie godiny Rossii (perelom istorii, krizis, cennosti, perspektivy). Prilozhenie [Severe Years of Russia (a Turning Point in History, Crisis, Values, Prospects)] *Mir Rossii. Sotziologija. Etnologija. Kul'turologija*, 1992, vol. I, no. 1, pp. 29–37 (in Russ.).

Lichnost' i eio zhiznenny mir [Personality and Its Life World]. Ed. by L. I. Dementiy. Omsk, OSU publ., 2013. 560 p. (in Russ.).

Nekrasova E. V. Zhiznenny mir cheloveka i podhod k ego issledovaniju [The Life World of a Human and the Approach to Its Research]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2008, no. 1, pp. 98–110 (in Russ.).

Nemirovskaja A. V., Foa R. Sotsiokul'turnye osobennosti frontira Rossii [Russian Frontier]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 2013, no 4, pp. 80–88 (in Russ.).

Nemirovsky V. G., Nemirovskaya, A. V. The Origins and Subjects of Fear for Siberians. Sociological Research in the Regions of Eastern and Western Siberia. Sibirica, 2015, vol. 14, no 2., pp. 66–95. DOI: [10.3167/sib.2015.140204](https://doi.org/10.3167/sib.2015.140204)

Przhilenskaja I. B. Evoljucija zhiznennogo mira rossijan v uslovijah transformirujushegosia sociuma [Evolution of the Life World of Russians under the Conditions of a Transforming Society]. Stavropol', SSU publ., 2008. 48 p. (in Russ.).

Rossija na novom perelome: strahi i trevogi [Russia on a New Turn: Fears and Worries]. Ed. by M. K. Gorshkov, R. Krumm, V. V. Petukhov. Moscow, Al'fa-M, 2009. 160 p. (in Russ.).

Sotsiologi vyjasnili, chego rossijane bojatsja bol'she vsego... [Sociologists have found out what Russians fear most ...]. The Web portal «Economika segodnia». Release 27.09.17. URL: <https://rueconomics.ru/277965-sociologi-vvyasnili-chego-rossiyanе-boyatsya-bolshe-vsego> [date of visit: 15.11.2017] (in Russ.).

Toschenko J. T. Sotsiologija zhizni [Sociology of Life]. Moscow, UNITI-DANA, 2016. 399 p. (in Russ.).

Toschenko J. T. Sociologija zhizni kak teoreticheskaja koncepcija [The Sociology of Life as a Theoretical Conception]. Sotsiologicheskie issledovaniya, 2015, no 1, pp. 106–116 (in Russ.).

Toschenko J. T. Territorial'nye razlichija zhiznennogo mira rossijan: obshee i osobennoe [Territorial Differences in the Life World of Russians: Common and Specific]. Oykumena. Regionovedcheskie issledovaniya, 2016, vol. I, no 36, pp. 102–108 (in Russ.).

Toschenko J. T. Zhiznenny mir i ego smysly [Life world and Its Meanings]. Sotziologicheskie issledovaniya, 2016, no 1, pp. 6–17 (in Russ.).

VCIOM. Press-vypusk 3477. Karta strahov rossijan: itogi leta [Map of Fears of Russians: the Results of the Summer]. 2017. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116418> [date of visit: 15.11.2017] (in Russ.).

Vitkovskaya M. I. Teoretiko-metodicheskie problemy izuchenija «straha» v sociologii [Theoretical and Methodical Problems of “Fear” Studies in Sociology]. Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya, 2003, no. 4–5, pp. 86–91 (in Russ.).

Zhiznenny mir rossijan: 25 let spustia (konec 1980-h – seredina 2010-h gg.) [Life world of the Russians: 25 years later (late 1980s – mid-2010)]. Ed. by J. T. Toschenko. Moscow, CSPiM, 2016. 367 p. (in Russ.).